

РАЗДЕЛ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ» /
SECTION «POLITICAL SCIENCES»

5.5.2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ,
ТЕХНОЛОГИИ / 5.5.2. POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES
AND TECHNOLOGIES

Серия «Политология. Религиоведение»

2022. Т. 42. С. 9–19

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 323.2

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.9>

**Провинциальная молодежь в современной России
и протестная политическая повестка 2015–2021 гг.**

С. М. Захаров*

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация

Аннотация. Рассматривается участие провинциальной молодежи в протестных акциях в период 2015–2021 гг. В рамках исторической ретроспективы анализируются повестки для протестного дискурса в условиях современной России, в том числе инспирированные и ситуативные поводы для выступлений. Выявляются особенности и формы участия молодежи, обусловленные политической повесткой, актуальной для определенной точки в пространственно-временном континууме. Определяются перспективы развития протестного дискурса среди молодежи в условиях трансформационных процессов в современной России с учетом сложившейся провинциальной культуры и влияния социальных медиа. Делается вывод, что в современных условиях вовлечение молодежи в протестный дискурс происходит посредством сетевых технологий, которые активно используют заинтересованные оппозиционные субъекты.

Ключевые слова: молодежный протест, относительная депривация, провинциальная молодежь, протестная активность, протестный потенциал, протестные триггеры.

Для цитирования: Захаров С. М. Провинциальная молодежь в современной России и протестная политическая повестка 2015–2021 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 9–19. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.9>

Original article

**Provincial Youth in Modern Russia and the Protest Political
Agenda 2015–2021**

S. M. Zakharov*

Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

Abstract. The article analyzes youth participation in protests in the province from 2015 to 2021. The aim of the research is to determine the level of protest potential of the provincial youth in modern Russia. The study takes a historical and comparative methods. In the course of research, the author

© Захаров С. М., 2022

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

comes to the conclusion that in the modern context the involvement of young people in the protest discourse takes place through network technologies, which are actively used by interested opposition actors. On the one hand, young people in provincial areas, where critical thinking is less developed, may be vulnerable to such signals. On the other hand, protest discourse in local spaces rarely develops further because of the pervasive political culture.

Keywords: youth protest, relative deprivation, provincial youth, protest activity, protest potential, protest triggers.

For citation: Zakharov S.M. Provincial Youth in Modern Russia and the Protest Political Agenda 2015–2021. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 9-19. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.9> (in Russian)

Протестный дискурс является неотъемлемым элементом общественно-политической системы в связи с невозможностью достижения внутренней однородности и безоговорочного подчинения всех акторов. Как отмечал А. Скиперских, «политическая власть не может существовать без сопротивления, представляющегося диалектическим противником власти. Когда в политическом дискурсе говорят о власти и оппозиции, о правящих и оппозиционных элитах, как правило, и происходит констатация присутствия сопротивления в его различных объективациях» [8, с. 67]. В силу данных обстоятельств молодежь в современной России неминуемо оказывается в сфере определенного противостояния, что вынуждает ее делать выбор, учитывая характер политической культуры, приемлемые для себя модели поведения и симпатии к одной из противоборствующих сторон.

Следует сказать, что участие в протестной активности может выглядеть вполне органично, поскольку, как подчеркивал О. Габа, «протестное поведение свойственно молодежи в силу особенностей социализационного процесса в период молодости. В этом процессе молодежь проявляет острое ощущение несовершенства общества, завышенные притязания к себе и окружающим, осознание собственной субъектности и невозможности ее реализовать в полной мере» [3, с. 144]. При этом, по мнению Е. Омельченко, «участие в рискованных практиках – один из ключевых элементов формирования индивидуальной и солидарной идентичностей, а нацеленность на удовольствие – важный аспект мотивации включения в активности и получения нового индивидуально прожитого и прочувствованного опыта» [4, с. 35].

Выбор в пользу протестных артикуляций в условиях провинции требует решимости ввиду локализации пространства и дополнительной рискогенности (в частности, большой вероятности быть идентифицированным) в случае выражения сопротивления.

В рамках исследования мы сконцентрируем свое внимание на протестной активности молодежи, проявляющейся начиная с 2015 г., когда после кризиса протестного дискурса, обусловленного патриотическим подъемом, связанным с вхождением Крыма в состав России, смещением акцентов на международную повестку и формирование образа «внешнего врага», кампанией по дискредитации оппозиции, ужесточением закона о митингах в силу дестабилизирующих факторов происходит рост внутривнутриполитической протестной активности.

Как заключают эксперты Комитета гражданских инициатив (А. Кынев, Н. Петров¹, А. Титков, Н. Зубаревич), «в первое полугодие 2015 года зафиксированная протестная активность выросла по сравнению с аналогичным периодом 2014 года примерно на 15 %, при этом в относительном измерении выросла доля внутривластной проблематики при резком сокращении внешнеполитической (включая украинский конфликт) и стабильно высокой доле социальных вопросов и проблем городской среды»².

Несмотря на достаточно разнообразную социально-экономическую проблематику (задержки заработной платы; проблема льготников, держателей валютной ипотеки и ЖКХ; проблемы в транспортной сфере – сокращение пассажирских перевозок и акции дальнбойщиков против системы «Платон»), она напрямую не касалась молодежи. Однако критическое событие на фоне социально-экономического напряжения могло активировать ее протестный потенциал.

В этой связи важным для развития протестного дискурса становится расширение чувствительной для власти информации. На взгляд А. Брейера, сетевые коммуникационные технологии позволяют раскрывать неправительственные нарративы широкой общественности. Как только такая информация просочилась, она может вызывать двойной эффект. На индивидуальном уровне это усиливает стремление к познанию, подталкивая людей на акции протеста, особенно если это подкреплено личным ощущением экономической депривации или жестким обращением со стороны правительственных агентов. На макроуровне – коллективный результат, контент, вызывающий отрицательные эмоции и имеющий высокий потенциал для «вирусного распространения» [10, р. 5].

Таким образом, можно согласиться с выводом Р. Бараш, что «новейшей характеристикой протеста является его социально-сетевая форма. Функция новых медиа транслировать протестные настроения вытекает из эволюционных трансформаций самого протеста, обнаружившего свою “самую успешную” на сегодняшний день форму в виде особого медиа распространения коммуникации, способного словно запастись впрок “протестную энергию” социального страха и тревоги и благодаря этому – компенсировать нестабильность психических переживаний и эмоций» [2, с. 133].

В определенной степени отправной точкой сетевого протеста можно считать деятельность Фонда борьбы с коррупцией (ФБК)³, который развернул информационную кампанию, демонстрирующую жизнь российской политической элиты. В рамках этой кампании своеобразным символом становится фильм-расследование «Он вам не Димон», обвинявший премьер-министра Д. Медведева в причастности к коррупционным схемам.

¹ Входит в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента.

² Оценки социально-экономической и политической напряженности в регионах России за первое полугодие 2015 года (на 1 июля) // Комитет гражданских инициатив. 2015. 2 нояб. С. 4. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/2563/> (дата обращения: 12.03.2019).

³ Экстремистская организация, запрещенная в Российской Федерации, выполняющая функции иностранного агента.

Согласно экспертной оценке Центра экономических и политических реформ, «массовые антикоррупционные митинги, прошедшие 26 марта 2017 года в 82 городах России, показали, что их аудитория “молодеет”: по оценке самых разных наблюдателей, на митингах было гораздо больше студентов и даже подростков-старшеклассников, чем на акциях в предыдущие годы»⁴. При этом, характеризуя участвующих в протестах, В. Федоров уточнял, что это люди, которые «политикой никогда не занимались и не интересовались» [7].

В свою очередь, несмотря на эпизоды давления и уговоры не участвовать политических акциях со стороны учителей, преподавателей, представителей администрации, протестные митинги 12 июня 2017 г. были не менее многочисленными.

Рассуждая о протестных акциях, Д. Орешкин отмечал, что «первая причина – это результат работы Алексея Навального, который выбирает перспективные темы, такие как коррупция, и говорит на понятном этому поколению языке, а второе – это обострившееся ощущение молодежи, что эта страна не для них, а для детей элиты, им здесь ловить нечего»⁵.

Наряду с антикоррупционной повесткой в качестве мотива для протестного дискурса выступает ощущение молодежи, что ее в определенной степени лишают будущего. Это ощущение складывается в условиях несменяемости власти, которая обеспечивает социальное благополучие лояльной, инкорпорированной в систему группе молодых людей. Таким образом, поскольку выстроившаяся политическая система ассоциировалась лично с В. Путиным, протестные выступления (7 октября 2017 г. – день 65-летия В. Путина и 5 мая 2018 г. – акция, приуроченная к четвертой инаугурации В. Путина («Он нам не царь»)) получили персонифицированный характер. При этом, подчеркивает Р. Бараш, «“молодежной составляющей” протеста добавляет и то, что протестующие молодые люди в прямом смысле этого слова живут сегодняшним днем, в том смысле, что они не воспринимают “путинскую стабильность” как серьезную ценность, поскольку в лихие девяностые были детьми и подростками» [1, с. 107].

Несмотря на то что ряд политических и социально-экономических проблем не терял своей актуальности, время от времени проявляясь в различных формах протеста, существующий политический режим чувствовал себя достаточно уверенно. Анализируя ситуацию в регионах, эксперты Комитета гражданских инициатив (А. Кынев, Н. Петров⁶, А. Титков) указывали, что «при относительно спокойной социально-экономической ситуации в регионах сегодня, в том числе отчасти “в долг”, за счет проедания будущего, примитивизация политического дизайна с продавливанием вниз властной вертикали и унификацией вступает в объективное противоречие с быстро меняющейся

⁴ «Молодежный» протест: причины и потенциал. Условия жизни и мироощущение российской молодежи // Центр экономических и политических реформ. 2017. 18 марта. URL: http://cepr.ru/wp-content/uploads/2017/05/Молодежный-протест_причины-и-потенциал.pdf (дата обращения: 13.10.2022).

⁵ Макеева А. Молодежь оказалась заложником взрослых политических игр // Коммерсантъ. 2017. 13 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3324760> (дата обращения: 13.10.2022).

⁶ Входит в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента.

внешней средой и усложняющимися вызовами. Центральная власть привычно снимает накопившееся в регионах напряжение, усиливая давление на региональные политические элиты и подавляя их субъектность»⁷.

В этих условиях протестный дискурс в регионах мог возникать по причине резонансных происшествий, затрагивающих значительное число граждан. Иллюстрацией тому служат события марта 2018 г., случившиеся в Волоколамске (протестные митинги, произошедшие 3 и 10 марта, были направлены против работы мусорного полигона «Ядрово») и Кемерово (состоявшийся 27 марта митинг был вызван пожаром в торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня»). Ввиду того что указанные события были связаны с детьми, особый отклик они получили у молодых людей 25–30 лет и старших возрастных групп граждан.

Молодежь и студенчество входили в число участников региональных протестов по достаточно широкому списку проблем, превратившись «в важный элемент социальной базы, подпитывавшей эти протестные акции» [6, с. 2]. Выделим наиболее заметные.

Политический протест. Митинг, проведенный 2 апреля 2018 г. в Екатеринбурге против отмены прямых выборов мэра.

Гражданский протест. Акции, состоявшиеся 23 июня 2019 г. против незаконного и политически мотивированного преследования граждан, которые изначально планировалось провести в знак поддержки журналиста И. Голунова. Митинги и пикеты проходили в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Казани, Ростове-на-Дону и других городах страны.

Градозащитный протест. Массовые акции протеста против строительства храма в центре Екатеринбурга в период с марта по июнь 2019 г. (активная фаза 13–18 мая). Протесты проходили в форме митинга, флешмоба, пикетирования, перекрытия улиц, интернет-активизма. Екатеринбургцев поддерживали пикетами активисты в Москве, Махачкале, Владивостоке. В итоге было принято решение о строительстве храма в другом месте.

Экологический протест. Выступления против строительства мусорного полигона вблизи железнодорожной станции Шиес (Архангельская область), длившиеся с июля 2018 г. по 9 января 2021 г. Формы протеста: палаточный лагерь, митинги, одиночные пикеты, интернет-активизм. Митинги солидарности проводились в Москве, Архангельске, Сыктывкаре. В результате проект строительства полигона был свернут, губернатор Архангельской области И. Орлов и глава Республики Коми С. Гапликов ушли в отставку.

Акции протеста, прошедшие в Саратове и Балаково летом 2019 г. против строительства в пос. Горный производственно-технического комплекса по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов I и II класса опасности. Формы протеста: митинги, одиночные пикеты, сбор подписей через сайт Change.org и офлайн.

⁷ Эксперты КГИ представили итоги мониторинга социально-экономической и политической напряженности регионов за 3 года // Комитет гражданских инициатив. 2018. 20 июня: URL: <https://komitetgi.ru/analytics/3797/> (дата обращения: 13.03.2019).

Социально-трудовой протест. 29 апреля 2019 г. в Иркутске студенты и преподаватели Байкальского государственного университета устроили пикет против сокращения преподавателей и снижения размера стипендии.

Социально-бытовой протест. В Кирове 1 августа 2018 г. прошел пикет из-за нехватки мест в детских садах. 27 апреля 2019 г. состоялся митинг за доступное дошкольное и школьное образование. Участники протестной акции потребовали от властей немедленно начать строительство детских садов и школ и прекратить оповещать Москву о «благополучной» ситуации с обеспечением мест в образовательных учреждениях. Социальную базу протестующих составляли молодые родители.

Информационный протест. Выступления были связаны с поддержкой свободного интернета и мессенджера Telegram. 22 апреля 2018 г. в рамках акции, получившей поддержку в ряде городов (Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Белгороде, Краснодаре, Апатитах, Сочи, Омске, Екатеринбурге и т. д.), россияне запускали бумажные самолетики (логотип Telegram). 30 апреля в Москве по той же тематике состоялся многотысячный митинг.

В 2019 г. тема свободного интернета получила дополнительный протестный импульс за счет принятия Государственной Думой РФ в первом чтении закона, предусматривающего техническую возможность изоляции российского сегмента интернета. Это спровоцировало проведение 10 марта в нескольких российских городах (Хабаровске, Чите, Омске, Челябинске, Перми, Набережных Челнах, Воронеже, Москве) акций протеста в форме митингов и одиночных пикетов.

Таким образом, анализируя повестку протестных событий 2018–2019 гг. с точки зрения молодежной субъектности, можно сказать, что темы, которым придавался дополнительный импульс посредством интернет-активизма, получали поддержку в других регионах, увеличивая шансы на удовлетворение требований. Эта особенность для «разгона» определенной проблематики становится важным пунктом в работе оппозиционных сил, желающих видеть молодежь в качестве ключевого политического актора.

На это обращали внимание эксперты, которые в ходе интервью ($n = 31$), организованного в августе-сентябре 2019 г. в Саратовской области, отмечали, что «молодежь активно реагирует на “резонансные федеральные проблемы, которые ярко представлены в СМИ”; “те, которые широко освещаются в понятном пространстве социальных сетей, в новостных ресурсах. Глобальные и острые проблемы, по которым идет целенаправленная информация – яркая, скандальная, без подкрепления, без скидки на достоверность”» [4, с. 599].

Распространение информации, которое подразумевает развитие протестного дискурса, в случае с молодежью приобретало особую актуальность в силу ее высокой восприимчивости и нередкого нахождения в состоянии относительной депривации. Именно на внутренних переживаниях молодых людей как факторе развития протестных настроений делал акцент Д. Руденкин, подкрепляя свой тезис результатами исследования, проведенного в Екатеринбурге весной 2019 г. ($n = 124$, возраст 18–30 лет). Автором установлено «что

более 80 % опрошенных молодых людей оценивали сложившиеся реалии российского общества как несправедливые, а половина из них еще и отмечала, что справедливости в обществе с годами становится меньше. 66,7 % опрошенных отмечали, что те реалии, которые их окружают, не вписываются в их представление об идеале. Еще 50,9 % опрошенных отмечали, что не могут назвать свои условия жизни комфортными. Иначе говоря, целая серия параметров показывала, что среди молодых людей получила массовое распространение уверенность в несовершенстве, “неправильности” окружающих общественных реалий» [6, с. 7–8]. Это дает основание предполагать, что на такое состояние может накладываться по сути любая протестная повестка, которая будет вызывать желание инкорпорации у более инертной части провинциальной молодежи.

Социально-экономическая атмосфера в регионах способствует развитию протестного дискурса в молодежной среде, делает вывод Ю. Шабаев по итогам проведенного в октябре 2020 г. ($n = 150$ учащихся 11-х классов и $n = 150$ студентов) исследования в так называемых финно-угорских республиках РФ. При этом аналитик уточняет, что треть респондентов из Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии «готовы принять личное участие в акциях социального протеста и только пятая часть категорически отвергла возможность подобного рода действий» [9, с. 300–301].

Однако состояние относительной депривации и гнетущую социально-экономическую атмосферу можно трактовать лишь как латентные факторы протеста, принимая к сведению и то, что в 2020 г. практически весь ресурсный потенциал был сосредоточен на преодолении пандемии COVID-19, затронувшей без исключения все сферы общественно-политической и экономической жизни. С одной стороны, сложная эпидемиологическая ситуация должна была способствовать формированию у граждан понимания, под каким давлением в такой ситуации приходится работать власти, с другой стороны, локдаун и проявившиеся изъяны системы приводили к кумуляции напряжения в обществе. В этих условиях причиной протестной активности могли стать события, которые расценивались определенными группами граждан, в том числе и молодежью, как однозначные факты проявления несправедливости со стороны власти.

Федеральная повестка. Внесение изменений в Конституцию РФ, которые в рамках протестного дискурса интерпретировались как попытка обнуления президентских сроков В. Путина. Молодежь принимала участие в массовых акциях протеста в Москве и Санкт-Петербурге. В регионах молодые люди выходили на одиночные пикеты, часть из которых была инициирована институционализированными структурами (в частности, в Архангельске партией «Яблоко», в Пензе общественным движением «Левый фронт», в Иваново КПРФ). В Мурманске участники феминистской группы «Костер» провели флешмоб против «Конституции для элиты». Они стояли с плакатами во дворах деревянных двухэтажек, так мурманчане хотели подчеркнуть контраст между условиями, в которых живут некоторые россияне и представители политической элиты.

Региональная экологическая повестка. Протесты против разработки шихана Куштау Башкирской содовой компанией в августе 2020 г. Формы протеста: палаточный лагерь, флешмоб (живая цепь) «Куштау, живи!», интернет-активизм. В поддержку защитников шихана высказался ряд медийных персон. Активное участие в протестах приняли члены (среди которых была молодежь) Башкирской общественной организации «Башкорт», впоследствии организация была признана экстремистской и ее деятельность была запрещена. В итоге Куштау признали памятником природы, его разработку запретили.

Региональная политическая повестка. Акции в поддержку арестованного губернатора Хабаровского края С. Фургала. В качестве форм протеста использовались: демонстрации, митинги, пикетирование, интернет-активизм. Акции солидарности проходили во многих городах России, в частности Хабаровске, Владивостоке, Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Комсомольске-на-Амуре и других. В выступлениях принимала участие молодежь.

Таким образом, обзор событий 2020 г. показал достаточно высокий уровень протестной солидаризации, в том числе и в молодежной среде. При этом устойчивость политической системы по сути позволяла ей не реагировать на протест, идя на уступки лишь по требованиям неполитического характера.

Другой причиной, побудившей молодежь включиться в протестный дискурс, стало возвращение 17 января 2021 г. А. Навального в Россию и его последующее задержание. Предполагая развитие ситуации по подобному сценарию, тем более что формальный повод (нарушение условий испытательного срока) у правоохранительных органов имелся, представители ФБК⁸ 19 января публикуют на видеохостинге YouTube документальный фильм-расследование «Дворец для Путина. История самой большой взятки».

По результатам социологического опроса, проведенного 29 января – 2 февраля 2021 г. АНО «Левада-Центр»⁹, «чаще фильм смотрели молодые люди – 37 % в группе 18–24 года... 59 % респондентов в возрасте 18–24 года считают, что информация из фильма похожа на правду, 23 % уверены в правдивости... Молодежь (18–24 года) в большей степени уверена в виновности президента – 25 %»¹⁰ ($n = 1616$ человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах РФ).

Последовали и призывы выйти на улицу, запустив волну поддержки в социальных сетях, главным образом в «ТикТоке», который в это время стал стремительно политизироваться.

Волна протестов (масштабные выступления 23, 31 января, 21 апреля; локальные выступления 2, 14 февраля) охватила десятки городов как в России, так и за рубежом. При этом эксперты фонда «Либеральная миссия» отмечали, что «протест вышел из “столичной” резервации: если в 2011–2012 гг. на Москву и Петербург приходилось 65–75 % протестующих, то в протестах в

⁸ Экстремистская организация, запрещенная в Российской Федерации, выполняющая функции иностранного агента.

⁹ Внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

¹⁰ Фильм «Дворец для Путина» // Левада-Центр. 2021. 8 февраля. URL: <https://www.levada.ru/2021/02/08/film-dvoret-dlya-putina/> (дата обращения: 01.02.2022).

защиту Навального в 2021 г. их доля сократилась примерно до трети. В ходе протестов в защиту Навального региональная составляющая выглядит более размазанной: при том, что протесты проходили в более сотни городов, численность абсолютного большинства из них была незначительной. Так, 23 января 2021 года в двух городах число протестующих можно оценить в более 10 тыс. человек, в четырех городах – в диапазоне 5–9 тыс. и еще в 13 – от 2 до 5 тыс. В то же время рост общей численности протестующих в регионах компенсировался снижением численности протестующих в Москве: она составляла около 30–40 % от пиковых значений 2011–2012 годов»¹¹.

Говоря о социальном составе протеста, следует обратить внимание, что молодежь выступала в качестве ключевого политического актора, при этом младшая молодежь не являлась основной группой. На это указывали А. Архипова, А. Захаров, И. Козлова, основываясь на результатах опросов в ходе трех митингов в Москве, двух в Петербурге и одном в Казани ($n \approx 2000$ респондентов). По данным авторов, доля несовершеннолетних «составляла от 1 до 6 %. Вместе с тем протесты имели ярко выраженный молодежный “сдвиг”: в Москве на возрастные группы 15–24 года приходилось в среднем 29 % их участников, в Петербурге – 35 %, а в Казани – 46 %; при этом в целом доля этой возрастной группы в населении старше 14 лет составляет 12 %. То есть на митингах она была перепредставлена в 2,5–4 раза. На возрастную группу 25–39 лет в Москве и Петербурге приходилось 45 % участников, в Казани – 31 %; учитывая, что в целом в населении ее доля составляет 28 %, на столичных митингах она была перепредставлена в полтора раза. В Москве и Петербурге около 40 % опрошенных участвовали в протестах в 2021 г. впервые, в Казани таких было более половины»¹².

В провинции, где А. Навальный пользовался куда меньшей популярностью, чем в городах-миллионерах, причины, побудившие граждан выходить на протестные акции, смещаются в сторону общего недовольства положением дел в России. В целом это подтверждают данные социологического опроса, проведенного 29 января – 2 февраля 2021 г. АНО «Левада-Центр»¹³ ($n = 1616$ человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах РФ). Согласно этим данным, «главным мотивом участия в протесте респонденты считают общее недовольство положением дел в стране (об этом говорят 43 % респондентов), летом 2019 г. так считали 41 %, летом 2017 г. – 18 %. Еще 28 % считают, что протестующие выходят на митинги, потому что им за это платят (и это один из самых высоких показателей за последние годы); летом 2019 года так считали 11 %, летом 2017 года – 12 %. Только 19 % считают, что побудительным мотивом для выхода на протест стало возмущение фактами коррупции, показанными в фильме “Дворец для Путина”. Еще 16 % посчитали, что протестующими двигало возмущение арестом Алексея Навального»¹⁴.

¹¹ Год Навального. Политика протеста в России 2020–2021: стратегии, механизмы и последствия / под ред. К. Рогова. М. : Либеральная миссия, 2021. С. 12.

¹² Там же. С. 10.

¹³ Внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

¹⁴ Январские протесты // Левада-Центр. 2021. 10 февр. URL: <https://www.levada.ru/2021/02/10/yanvarskie-protesty/> (дата обращения: 04.02.2022).

Ухудшение эпидемиологической ситуации осенью 2021 г. и ужесточение карантинных мер со стороны региональных властей (голосование по законопроекту о введении обязательной системы QR-кодов, подразумевающему предъявление жителями страны сертификатов о вакцинации для посещения общественных мест, непродовольственных магазинов и транспорта) спровоцировали новую волну протестов в форме митингов, пикетов, народных собраний, исков в суд на руководителей регионов, публичных обращений к президенту, попыток прорваться в административные здания (Челябинск, Воронеж).

Таким образом, в условиях современной России институционализованные оппозиционные субъекты стремятся активизировать делегитимационные эффекты посредством распространения дискредитирующей власть информации. Протестный дискурс более технологизирован и в значительной степени ориентирован на молодежную аудиторию, которой предлагаются такие повестки, как коррумпированность политической системы и несменяемость власти. Это в конечном счете должно вызывать у молодежи чувство относительной депривации, обусловленное тем, что существующий политический режим лишает ее будущего в своей стране. В то же время с развитием сетевых технологий властным институциям сложнее купировать информацию о возникающих проблемах, что создает больше возможностей для развития протестного дискурса. Однако ресурсные возможности власти позволяют выработать механизмы для его последующего сдерживания.

Список литературы

1. *Бараи Р. Э.* Интернет как средство самоактуализации и революционной самоорганизации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3 (109). С. 100–109.
2. *Бараи Р. Э.* Системно-коммуникационная теория протеста: протест как «альтернатива без альтернативы» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3 (145). С. 123–138.
3. *Габа О. И.* Молодежь как субъект протестных настроений // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 144–151.
4. Гражданский активизм студентов: риск деструктивных проявлений в Поволжском регионе / В. В. Щепланова, Л. В. Логинова, Д. В. Зайцев, И. Ю. Суркова // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 595–610.
5. *Омельченко Е. Л.* Риски и удовольствия на сценах молодежного активизма современной России // Пути России. Альтернативы общественного развития. 2.0. : сб. ст. / под общ. ред. М. Г. Пугачевой и А. Ф. Филиппова. М. : Нов. лит. обозрение, 2015. Т. 20. С. 25–47.
6. *Руденкин Д. В.* Импульсы роста протестной активности российской молодежи: кейс Екатеринбурга // Конфликтология / nota bene. 2020. № 1. С. 1–14. <https://doi.org/10.7256/2454-0617.2020.1.32326>
7. *Садовников А.* «Школата – главное приобретение протестного воскресения» / интервью с В. Федоровым // ФедералПресс. 2017. 28 марта. URL: <http://fedpress.ru/interview/1763387> (дата обращения: 13.10.2022).
8. *Скиперских А. В.* Право на сопротивление: политико-философская ретроспектива // Социум и власть. 2015. № 5 (55). С. 67–72.
9. *Шаббаев Ю. П.* Молодежный вызов на российской периферии: положение молодежи в Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17, № 3. С. 288–310.
10. *Breuer A.* The Role of Social Media in Mobilizing Political Protest. Evidence from the Tunisian Revolution // Discussion Paper. 2012/10. Bonn: German Development Institute / Deutsches Institut für Entwicklungspolitik. 31 p. URL: https://www.die-gdi.de/uploads/media/DP_10.2012.pdf (date of access: 14.03.2019).

References

1. Barash R.E'. Internet kak sredstvo samoaktualizatsii i revolyucionnoj samoorganizatsii [The Internet as a means of self-actualization and revolutionary self-organization]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2012, no. 3 (109), pp. 100-109. (in Russian)
2. Barash R.E'. Sistemno-kommunikatsionnaya teoriya protesta: protest kak "al'ternativa bez al'ternativy" [Systematic and communicative theory of the protest movement: protest as "an alternative without an alternative"]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2018, no. 3 (145), pp. 123-138. (in Russian)
3. Gaba O.I. Molodezh kak subjekt protestny`x nastroyenij [Youth as a subject of protest feelings]. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2015, no. 1, pp. 144-151. (in Russian)
4. Shheblanova V.V., Loginova L.V., Zajcev D.V., Surkova I.Yu. Grazhdanskiy aktivizm studentov: risk destruktivny`x proyavlenij v Povolzhskom regione [Student civil activism: Risk of destructive manifestations in the Volga Region]. *RUDN Journal of Sociology*, 2020, vol. 20, no. 3, pp. 595-610. (in Russian)
5. Omel'chenko E.L. Riski i udovol'stviya na scenax molodezhnogo aktivizma sovremennoj Rossii [Risks and Pleasures in the Youth Activist Scenes in Contemporary Russia]. *Puti Rossii. Al'ternativny obshhestvenno razvitiya. 2.0. / Sbornik statej. Pod obshh. red. M.G. Pugachevoj i A.F. Filippova* [The ways of Russia. Alternatives of social development 2.0. Collection of articles. Under the general editorship: Pugacheva M., Filippov A.F.]. Moscow, New Literary Observer, 2015, vol. 20, pp. 25-47. (in Russian)
6. Rudenkin D.V. Impul'sy` rosta protestnoj aktivnosti rossijskoj molodezhi: kejs Ekaterinburga [The impulses of growth of protest activity of Russian youth: the case of Yekaterinburg]. *Conflictology / nota bene*, 2020, no. 1, pp. 1-14. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32326 (date of access: 27.01.2022). (in Russian)
7. Sadovnikov A. "Shkolota – glavnoe priobretenie protestnogo voskreseniya" ["Shkolota is the main acquisition of the protest Sunday"]. Available at: <http://fedpress.ru/interview/1763387> (date of access: 27.01.2022). (in Russian)
8. Skiperskix A.V. Pravo na soprotivlenie: politiko-filosofskaya retrospektiva [Right to opposition: political and philosophical retrospective]. *Society and Power*, 2015, no. 5 (55), pp. 67-72. (in Russian)
9. Shabaev Yu.P. Molodezhnyy vyzov na rossijskoj periferii: polozhenie molodezhi v Karelii, Komi, Udmurtii, Marij E'l i Mordovii [Youth challenge in the Russian periphery: The situation of youth in Karelia, Komi, Udmurtia, Mari El and Mordovia]. *Political Expertise: POLITEX*, 2021, vol. 17, no. 3, pp. 288-310. (in Russian)
10. Breuer A. The Role of Social Media in Mobilizing Political Protest. Evidence from the Tunisian Revolution. *Discussion Paper*. 2012/10. Bonn, German Development Institute / Deutsches Institut für Entwicklungspolitik. 31 p. Available at: https://www.die-gdi.de/uploads/media/DP_10.2012.pdf (date of access: 14.03.2019)

Сведения об авторе

Захаров Сергей Михайлович
 кандидат политических наук,
 преподаватель, кафедры философии
 и социальных наук
 Елецкий государственный университет
 им. И. А. Бунина
 Российская Федерация, 399770, г. Елец,
 ул. Коммунаров, 28
 e-mail: zakharov1201@rambler.ru
 ORCID 0000-0002-1160-1157

Information about the author

Zakharov Sergey Mikhailovich
 Candidate of Sciences (Political Science),
 Lecturer, Department of Philosophy
 and Social Sciences
 Bunin Yelets State University
 28, Kommunary st., Yelets, 399770,
 Russian Federation
 e-mail: zakharov1201@rambler.ru
 ORCID 0000-0002-1160-1157